

Toponymic Landscape of the Kazakhstan-Russia Borderland: Cultural Sovereignty and Renaming Policies

Olga I. Vendina¹ & Mikhail S. Karpenko²

Institute of Geography, Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia

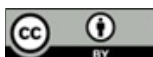
Received: 28 February 2023 | Revised: 27 March 2023 | Accepted: 4 April 2023

Abstract

The authors consider the toponymic landscape as a “space of meanings” that reflects the power relations and the dominant ideological positions its time. The concept of “cultural sovereignization” is used to describe the state politics aimed to prevent imaginary or real threats to territorial integrity from irredenta diaspora living in the borderland and in close contact with a neighboring parent country. By the procedure of toponymic re-naming, states not only demonstrate the power of control over their territories, but also project a certain social order to subjected space, and shaping identities. To analyze the changes in the toponymic landscape of the north-Kazakhstani borderland in the post-Soviet years, authors compare the actual toponymic map of the region with that which existed at the late Soviet era. The dynamics of renaming was considered in the context of the legislative activities of the Kazakhstan government regarding the linguistic and historical policies; toponymic data were compared with ethno-demographic statistics and population dynamics. The authors conclude that the cultural sovereignization policy produced controversial effects on the north-Kazakhstani borderland: erasing “unwanted” toponyms the political actors erase their symbolic meaning and yet eliminate the traces of large-scale historical processes. As a result, the most urbanized and economically developed region looks on the maps like natural area and isolated province. It also causes the social splits in society, alienating a significant part of the local population from historical memory and familiar environment. New environmental context hinders the complementarity between territoriality of the local border communities and Kazakhstni national identity, and mobilizes the ethnic particularism. The article is intended for specialists in the border and frontier studies.

Keywords

Kazakhstan; Russia; Post-Soviet Period; Borderlands; Toponymic Landscape; Renaming; Cultural Sovereignization; Ethno-Demography; Peasant Colonization; Tselina

This work is licensed under a [Creative Commons “Attribution” 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

1 Email: vendina@jigras.ru

2 Email: kms@jigras.ru

Топонимический ландшафт Казахстанского пограничья с Россией: культурная суверенизация и политика переименований

Вендина Ольга Ивановна¹, Карпенко Михаил Сергеевич²

Институт географии Российской академии наук. Москва, Россия

Рукопись получена: 28 февраля 2023 | Пересмотрена: 27 марта 2023 | Принята: 4 апреля 2023

Аннотация

Топонимический ландшафт рассматривается в статье как «пространство смыслов», отражающее отношения власти и доминирующие мировоззренческие позиции своего времени. Авторы используют понятие «культурная суверенизация» для описания политики государства, направленной на предотвращение мнимых или реальных угроз территориальной целостности со стороны ирреденты – инокультурных сообществ, живущих в пограничье и тесно контактирующих с соседней материнской страной. Прибегая к процедуре географических переименований, государства не только демонстрируют контроль над своими территориями, но и вписывают определенный социальный порядок в подвластное пространство, содействуя формированию новых идентичностей. Для анализа изменений, произошедших в постсоветские годы в топонимическом ландшафте северо-казахстанского пограничья, было проведено сравнение актуальной топонимической карты региона с существовавшей на момент распада СССР. Динамика переименований рассматривалась в контексте нормативной деятельности правительства Казахстана в сфере языковой и исторической политики; топонимические данные сопоставлялись с этно-демографической статистикой и особенностями динамики населения. Авторы приходят к выводу о неоднозначных последствиях политики переименований, которая привела к стиранию следов масштабных исторических процессов, создала эффект изолированности и провинциальности региона. Отчуждение значительной части местного населения от его культурной памяти и привычной среды повседневной жизни спровоцировало рост напряжения в обществе; изменившийся средовой контекст углубил противоречие между территориальностью приграничных сообществ и задачами формирования общегражданской казахстанской идентичности, способствуя усилению этнического партикуляризма. Статья рассчитана на специалистов в области пограничных и фронтирных исследований.

Ключевые слова

Казахстан; Россия; постсоветский период; пограничье; топонимический ландшафт; переименования; культурная суверенизация; этнодемография; земледельческая колонизация; целина

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

1 Email: [vendina\[at\]igras.ru](mailto:vendina[at]igras.ru)

2 Email: [kms\[at\]igras.ru](mailto:kms[at]igras.ru)

Введение

Переименования – широко распространенная практика, сопровождающая смену политических режимов, и почти неизбежный шаг при обретении территориально-политическими сообществами своей государственности. Постсоветское тридцатилетие дает множество примеров изменения топонимического ландшафта государств, образовавшихся после распада Советского Союза, стирания с карты памяти вчерашнего дня и нанесения на неё новых имен, отсылающих к природе, мифологии, образам вождей, героев и жертв борьбы за независимость. Особый интерес представляет казахстанское пограничье с Россией, где параллельно и одновременно идут два противоположных процесса – евразийской интеграции и культурной суверенизации. Интеграция предполагает делегирование части государственного суверенитета институтам Евразийского экономического союза, принятие идей общего экономического пространства и евразийской идентичности. Культурная суверенизация преследует противоположные цели; она направлена на обособление и укрепление контроля «своих» территорий различными средствами. Если евразийская интеграция является совместным и многосторонним проектом, то культурная суверенизация – национальным. В российско-казахстанском пограничье основная активность в этой сфере принадлежит Казахстану. Степные просторы с обеих сторон границы и сходство культурного ландшафта сделали казахский язык основным маркером размежевания двух стран. Написанные по-казахски топонимы и гидронимы визуализируют территориальный суверенитет и связь национальной (этнической) культуры и национальной (государственной) идентичности. В предлагаемой статье практика переименований, широко распространившаяся в Казахстане, рассматривается как способ смыслового перекодирования национального пространства. Авторы уделяют основное внимание казахстанскому пограничью с Россией, прослеживают исторические этапы трансформации его топонимического ландшафта, связь процесса переименований с этно-демографическими и политическими изменениями, обращают внимание на семантические особенности преобразований.

Концепция и методика исследования

Политические границы относительно недавнее изобретение человечества, результат материализации множества политических конвенций, основанных на поиске возможностей и средств стабилизации мирового порядка. Сдерживание властных амбиций и поддержание баланса сил на мировой арене требовали законодательного закрепления достигнутых договоренностей, определения государственно-политических субъектов и пределов их полномочий (суверенных прав). Иначе говоря, политические границы появились как более или менее обоснованные/произвольные линии, соответствующие текущему моменту, необходимые для упорядочивания пространственных отно-

шений и обеспечения геополитического равновесия (Prescott, 1978; Biger, 2021). Если изначально они понимались почти исключительно как «контейнеры» государственной власти, то современная политическая география далеко ушла от этой узкой трактовки и обратилась к исследованию связи физических, институциональных и дискурсивных характеристик границ (Paasi, 2009, 2012; Kolossov & Scott, 2013; Post-Cold War Borders, 2019; Borderities, 2015). Важный вывод из исследований последнего двадцатилетия состоит в том, что суверенитет, соотносимый с государством и его границами, не является по своей сути территориальным, не организован исключительно на межгосударственной основе и потому не может рассматриваться как абсолютная власть над пространством (Agnew, 2005; Sassen, 2013). Суверенитет – это норма, исходящая из допущения о самотождественности политического сообщества (нации), территории и идентичности, то есть из представления об обособленном и сравнительно однородном национальном пространстве, где действует «свой» закон, существует «своя» власть, а «верность родине» предполагает пребывание в её границах. Признание этой нормы не исключает, однако, возможности столкновения суверенных прав государства с территориальностью сообществ и оспаривания легитимности государственного контроля «своих» территорий со стороны субъектов территориального самоопределения – этнокультурных, сословных, религиозных, региональных, локальных и иных¹. Поэтому, вопреки идеям добрососедства и приграничного сотрудничества, укрепление трансграничных сообществ рассматривается правящими элитами многих стран как вызов национальной безопасности и канал «чужого» влияния. Чем более однородными в историческом и культурном отношении являются разделяемые границами регионы и привлекаемым – сосед, тем актуальнее становятся задачи культурно-символического контроля территорией со стороны государства. Разговоры о суверенитете, безопасности и идентичности переходят в практическую плоскость, превращаясь в руководство к действию по культурной суверенизации пограничья.

Данный процесс довольно точно описывается метафорой «государства-садовника», то есть государства, которое на «своем» участке земли планирует и навязывает определенный социальный порядок, проявляя заботу о конструировании идентичности граждан, доминировании правильных убеждений и чувства национальной принадлежности (Bauman, 1987; Глебов, 2008; Малахов, 2010, 2014; Урри, 2012). «Садоводческие» стратегии территориального управления используются большинством национальных государств, однако в случае Казахстана они имеют ярко выраженную особенность – раздвоение дискурса национально-государственного строительства, транслируемого на казахском и

1 Казахстан дает целый ряд примеров несовпадения территориальной и национально-государственной идентичностей, большого государственного нарратива о родине предков и вернакулярных концепций «своего» дома (Rees, Webb Williams & Diener, 2021).

русском языках. В казахском варианте продвигаются идеи этнической нации, в русском – гражданской (Kudaibergenova, 2020; Sharipova, 2020; Burkhanov, 2020). Ощутимое различие акцентов вызывает напряжение в обществе не только между русскими и казахами (Blackburn, 2019), но и внутри самого казахского социума, между так называемыми «нагыз-казахами» – настоящими, владеющими казахским языком и тяготеющими к идеям этнического национализма, и «шала-казахами» – ненастоящими, говорящими по-русски и живущими в крупных городах (Kudaibergenova, 2016, 2019; Laruelle, 2021). В категорию «шала» попадают и казахи-переселенцы из других стран. Согласно опросам, только 19% казахов Казахстана принимают оралманов¹ как «своих» (Sharipova, Burkhanov & Alpeissova, 2017), предпочитая их идентифицировать как «китайцев», «монголов», «узбеков», «мамбетов» и пр. (Алексеенко, 2010; Поправко, 2014).

Несмотря на то, что практика культурной унификации была многократно раскритикована, а этническая трактовка национального государства выглядит анахронизмом XIX века, ассимиляторские подходы сохраняют свою влияние и остаются наиболее понятной и эффективной стратегией правящих элит (Глебов, 2008). Сегодня, как и раньше, притязания на культурный суверенитет реализуются через подавление альтернативных исторических нарративов, делигитимацию и девальвацию нежелательных аспектов прошлого, продвижение культовых образов, являющихся смыслообразующими для этнонационального самосознания. Государства по-прежнему всеми доступными средствами стремятся установить связь между культурно определенными местными сообществами и территориально определенными политическими единицами (Penrose, 2002). Важные функции в репрезентации этой связи выполняют топонимы: с помощью процедуры наименований и переименований государства не только обозначают, но и изменяют «свое» пространство, вписывая в него центр-периферийные отношения и навязывая населению новую географию в соответствии со своими замыслами (Monmonier, 2018; Иванов, 2020; Toal, Vaár & Seegel, 2014). Топонимический ландшафт как пространство смыслов становится отражением господствующих политических дискурсов, а не «хранителем» народной памяти, официальным, а не вернакулярным (Sarsembayev, 1999; Аманжолова, 2013; Рысберген, 2017; Tsyrempilov, Bigozhin & Zhumabayev, 2022; Rees, Webb Williams & Diener, 2021).

Для анализа преобразований, коснувшихся топонимического ландшафта казахстанского пограничья, было проведено сравнение названий районов и

1 Слово «оралманы» означает «вернувшиеся домой», часть оралманов прибыла в республику стихийно, часть по государственной программе «Нурлы кош» (Светлая кочёвка). Оценки количества людей, воспользовавшихся этой возможностью с 1991 г. по 2021 г., сильно варьируют – от 400 тыс. до 1800 тыс. чел. Более 60% этого потока осело в северных и северо-восточных регионах страны. Их адаптация на новом месте проходит трудно, многие казахстанцы видят в оралманах не собратьев, вернувшихся домой, а конкурентов на рынке труда, нахлебников и иждивенцев (Савин, 2012; Поправко, 2014; Laruelle, 2021). Накопившийся негатив стал причиной того, что понятие «оралманы» было заменено в 2021 г. на «кандасы» (единокровные).

городов Казахстана, существовавших на момент распада Советского Союза, с их современными аналогами. Основную проблему при сборе данных составляли неоднократные изменения административно-территориального устройства страны. Первая реформа прошла в 1997 г. и сопровождалась укрупнением областей с целью «сбалансировать» этнический состав населения северных регионов. Вторая – летом 2022 г., как следствие январских беспорядков того же года. Начавшись на Мангышлаке, они быстро переросли в политический мятеж, поддержанный оппонентами президента К.-Ж. Токаева в ключевых структурах власти, и вылились в погромы на улицах Алматы и других крупнейших городов. Проявившаяся беспомощность официальной власти, вынужденной прибегнуть к внешней помощи, поставила вопрос о необходимости дезорганизации кланово-олигархических связей в системе управления, особенно на юге и северо-востоке страны (Морозов, 2022; Притчин, 2022). Последовало разукрупнение регионов, были образованы три новые области, а важнейшие городские агломерации разнесены по разным административным единицам. Несмотря на столь активную трансформацию системы административно-территориального деления, полной утраты сопоставимости статистических и прочих территориальных данных не произошло; ситуацию спасло то, что преобразования, как правило, происходили за счет переподчинения или слияния низовых районов без тотального пересмотра их границ. Поэтому в тех случаях, когда имелась информация низового уровня, сохранилась и возможность анализировать постсоветские изменения в единой системе координат. Это касается и топонимического ландшафта.

Собранная нами база данных, помимо перечня названий, содержала сведения о времени их появления/исчезновения, этимологии старых и новых имен, семантической атрибуции и символической нагрузке. Для их «расшифровки» использовались этимологические и топонимические словари (Койчубаев, 1974; Мурзаев, 1984; Конкашпаев, 1963; Топонимика, 2010). Динамика переименований рассматривалась в контексте нормативной деятельности правительства Казахстана в сфере языковой и исторической политики, определявшей «правила игры». Чтобы понять, в какой мере процессы конструирования новых территориальных идентичностей являются следствием культурной суверенизации, предполагающей «оказывание» культурно-символического пространства приграничья, а в какой – процесса территориального развития, данные о переименованиях сопоставлялись с этно-демографической статистикой и анализом динамики населения.

Демографические сдвиги и их политические следствия

Становление границы между Россией и Казахстаном имеет трехсотлетнюю историю, однако свои близкие к современным очертания она приобрела лишь в 1936 г., когда казахская автономия в составе РСФСР была

преобразована в союзную республику. В дальнейшем очертания границы неоднократно уточнялись, исходя из политической и хозяйственной целесообразности (Ремнёв & Суворова, 2010; Ремнев, 2011; Иванов, 2020б; Голунов, 2005; Белан, 2008; Нечаева, Кожирова & Быков, 2022). Гораздо сильнее, чем линия границы, менялся этно-демографический состав приграничного населения. Голод начала 1930-х гг., спровоцированный насильственной коллективизацией и седентаризацией кочевников¹, привел к значительному сокращению численности населения республики, как из-за сверхвысокой смертности, так и откочевывания части казахов в сопредельные регионы России и соседние страны². Беженцы из западных областей Казахстана уходили в Иран, Афганистан, Туркмению и Каракалпакию; южных и восточных областей – в Узбекистан, Киргизию и Китай; северных и центральных – в Самарскую (Куйбышевскую), Челябинскую, Курганскую и Тюменскую области, в Алтайский край, а также Монголию (Алексеев, 2000; Грозин, 2014). Одновременно с коллективизацией стартовала индустриализация, потребовавшая привлечения рабочих и специалистов из Европейской части СССР. Свою лепту в изменение этнического состава населения внесли и массовые насильственные депортации в казахские степи сначала раскулаченного крестьянства, а затем «наказанных народов»: корейцев, финнов-ингерманландцев, немцев, поляков, иранцев, курдов, турок-месхетинцев, армян, китайцев и др. (Земсков, 2005; Балыкова, 2015). Совокупное влияние перечисленных факторов привело к снижению удельного веса казахов в «своей» республике с 58,5% в 1926 г. до 37,8% в 1939 г. и примерно двукратному росту численности русских, доля которых достигла 39,9%³. На севере Казахстана в регионах, граничащих с Россией, ситуация была более контрастной: согласно переписи 1939 г., процентное соотношение двух главных этносов республики – казахов и русских – менялось в диапазоне от 19,8% до 51,2% в Северо-Казахстанской области до 40,3% к 34,4% в Павлодарской (Итоги..., 1962, с.28-29).

- 1 К началу «коллективизации через оседание» скотоводческое хозяйство Казахстана уже находилось в глубоком кризисе; тем не менее, 75% коренного населения продолжали вести кочевой или полукочевой образ жизни (Быков, 2001), и именно кочевники стали главными жертвами голода. Тяжелые последствия репрессивной политики советского государства усугублялись негласным сопротивлением казахской родовой верхушки и массовым убоем скота (Самерон, 2016; Грозин, 2014).
- 2 Согласно наиболее взвешенным оценкам, сделанным на основе учета межпоколенческих сдвигов показателей смертности, потери казахского этноса в результате насильственной коллективизации, голода и оттока населения составили более 1800 тыс. человек или 47% от численности этноса в 1930 г. Наибольшие потери были зафиксированы в восточных областях Казахстана (64,5%), отмеченных интенсивной миграцией, и регионах северной части республики (52,3%), наименьшие (15,6%) – в Центральном Казахстане (Алексеев, 1993, 2000).
- 3 В 1920-1925 гг. территория современной Республики Казахстан (РК) находилась в составе обширной Киргизской автономной ССР со столицей в Оренбурге. В результате национально-территориального размежевания 1925 года республика получила новые границы и стала называться Казакская АССР, с февраля 1936 г. – Казахская АССР. Принятие «сталинской» Конституции в декабре 1936 г. повысило статус Казахстана до союзной республики. Хотя неоднократное изменение границ и перемещения населения не могли не сказаться на ретроспективной точности демографических оценок, для нас важно понимать общую тенденцию

Следующий крупный сдвиг в структуре населения Казахстана был связан с освоением целины и массовым миграционным притоком целинников из регионов России, Украины и Белоруссии: к 1959 г. удельный вес казахов в республике снизился до 30%, а русских вырос до 42,7%. Однако в целинных городах и поселках доля русских повсеместно превышала половину населения. Амбициозный целинный проект курировался лично Н. С. Хрущевым. Результатом этого внимания стало образование Целинного края, включившего в себя пять областей – Северо-Казахстанскую, Кустанайскую, Кокчетавскую, Павлодарскую и Акмолинскую. Столицей целины стал Акмолинск, переименованный в Целиноград. Тогда же возникла идея передачи преимущественно русского по населению края, который в хозяйственном отношении напрямую подчинялся Москве, в состав РСФСР. Понятно, что подобная инициатива была прохладно встречена в Казахстане. Партийное руководство республики, противодействуя принятию этого решения, апеллировало к угрозе народных протестов и межэтнических конфликтов. Хотя «чистка» партийно-государственного аппарата позволила подавить сопротивление элит (Казиев, 2011), планы реализованы не были. Помешал Октябрьский пленум ЦК КПСС 1964 г., отстранивший Хрущева от власти. Организаторы «дворцового переворота», чтобы гарантированно привлечь на свою сторону регионалов из числа членов ЦК, внесли в повестку Пленума вопрос об отмене обязательной ротации высших партийных кадров (Артизов & Сигачев, 2020; Паин, 2023). Предложение узаконить несменяемость власти встретило горячую поддержку руководителей всех республик. Хрущева «убрали», в том же году Казахстан возглавил Д. А. Кунаев, остававшийся на своем посту 22 года. Одним из итогов внутриэлитных процессов и договоренностей стало расформирование Целинного края в 1965 г. и образование Целиноградской области в границах бывшей Акмолинской. Начиная с этого времени этно-демографические процессы приняли реверсивный характер, а политические и культурные – обрели формы, далекие от пролетарского интернационализма.

Стремление Кунаева опираться на «свои» кадры привело к формированию патримониально-олигархического режима: к середине 1980-х гг. этнические казахи доминировали на всех уровнях административного управления, в правоохранительных органах, системе высшего образования, науке и культуре; в отраслях производства, напротив, доля казахов практически не менялась, если в 1959 г. она составляла 19,3%, то в 1989 г. – 20,1% (Казиев, 2011; Паин, 2023). Еще одно важное изменение эпохи «застоя», коснувшееся всех национальных республик СССР – союзных и автономных, – укрепление и распространение нарратива о российском и советском колониализме. В случае Казахстана эта идея была косвенно сформулирована в романе Ч. Айтматова «И дольше века длится день» (1980). Понятие «манкурты», использованное писателем для характеристики людей, поработанных обстоятельствами жизни и потерявших связь со своими историческими корнями, приобрело

большой резонанс в киргизском и казахском обществе, прямо ассоциируясь с советской национальной политикой (Кудайбергенова, 2020). Хотя нарратив Айтматова, обласканного советской властью, скорее имел анти-модернизационную, нежели антисоветскую направленность, его аргументы заняли важное место в постсоветской риторике, представляющей казахов жертвами бесчеловечного режима. Иначе говоря, моральная легитимность политики возвращения к истокам национальной культуры, а по сути «казахизации» мультикультурного общества, была обеспечена еще в советские годы (Stefany, 2013; Shlapentokh, 2019; Kaşıkçı, 2019); тогда же наметилась и тенденция оттока русского и русскоязычного населения.

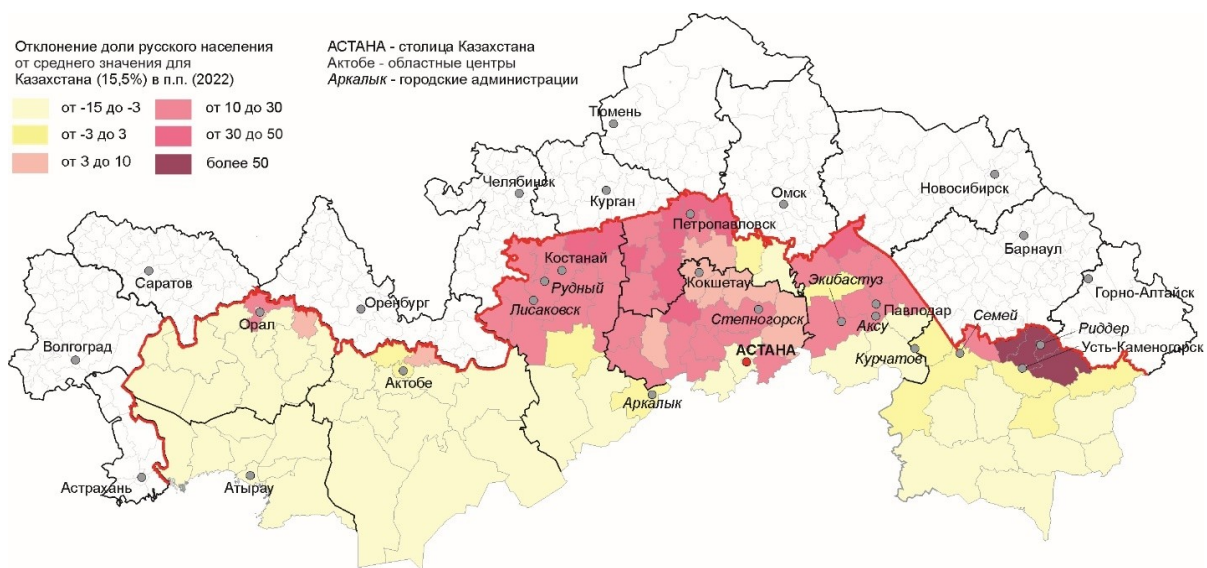

Рисунок 1. Доля русского населения в районах и городских администрациях казахстанского пограничья с РФ. Составлено авторами по: (Итоги, 2022; Численность, 2022)

Figure 1. Share of Russians in Municipal Districts and Cities Administrations along Kazakhstan's Border with the Russian Federation. Compiled by the authors based on: (Results, 2022; Population Data, 2022)

Латентные процессы вышли на поверхность в 1990-х гг.: миграционный ручей в Россию обрел характер массового исхода русских из Казахстана. Основной причиной отъезда была стабильная неуверенность людей в своем будущем. Согласно опросам, проведенным в 1994-1995 гг., опасения за свою жизнь и жизнь своих близких выражали 38% респондентов, материальные трудности и потерю работы называли 41%, беспокоились о будущем детей – 59%. Почти треть респондентов жаловались на языковую дискриминацию в профессиональной сфере (Лебедева, 1995, с. 51). На историческую родину уезжали и представители других нетитульных этносов Казахстана, прежде всего, немцы. Отток населения частично компенсировался возвратной мигра-

цией казахов-оралманов и государственной программой переселения жителей трудоизбыточных регионов юга страны в пустеющие регионы севера.

Помимо миграций, заметную роль в изменении этно-демографической ситуации в северо-казахстанском пограничье сыграли процессы естественного воспроизводства населения. В практически гомогенных «казахских» областях, таких как Атырауская, Актюбинская и Западно-Казахстанская, средние показатели естественного прироста в 2010–2020-х гг. составляли порядка 15–15,5‰, а в регионах значимого представительства русских – менее 2‰ (Численность, 2022).

Совокупное действие описанных факторов привело к существенному снижению удельного веса русских: согласно переписи 2021 г., данный показатель опустился до 15,54% (Итоги, 2022). Тем не менее, в регионах бывшего Целинного края русские остались значимой группой (Рис. 1), вызывая политическую обеспокоенность. Ее явственным признаком является переименование Целинограда в 1992 г. в Акмолу, а Целиноградской области – в Акмолинскую. В декабре 1997 г. в Акмолу была перенесена столица Республики Казахстан, спустя месяц город получил новое имя – Астана (букв., «Столица»). Фактически был совершен символический акт, закрывший целинную страницу истории.

Наименования и переименования как инструмент политики

Работа по систематическому топографическому описанию казахских степей начались в середине 1840-х г., чему в значительной степени способствовал амбициозный для своего времени проект создания подробного атласа Российской империи под единым методическим руководством Русского географического общества. В качестве основных носителей информации о географии степей рассматривались топографы, сопровождавшие военные экспедиции, а не кочевники, которые прекрасно знали степь, но опирались на малопонятную для имперской администрации знаковую систему, включающую обозначения могил, урочищ, холмов, колодцев, убежищ и пр. (Иванов, 2020а). Хотя местные названия учитывались при нанесении на карту природных объектов и поселений, «естественная система топонимических знаний, формировавшаяся веками, – как пишут казахстанские ученые, – была нарушена» (Справочник..., 2009, с. 36). Различия в восприятии пространства и способах его репрезентации способствовали закреплению образа безлюдных степей, лишенных всяких признаков человеческой деятельности и простирающихся между российскими укрепленными линиями и густонаселенными оазами Хорезма, Коканда и Бухары (Иванов, 2020б).

Период экспансии Российской империи в Среднюю Азию завершился к середине 1880-х гг.; закончилась и миссия сопровождавших «туркестанские походы» топографов. Это время оставило после себя разреженную сеть

опорных пунктов, фортов и крепостей, обеспечивавших жизнедеятельность укрепленных казачьих линий и демонстрировавших российское присутствие. Большинство из таких военно-гражданских поселений получило русские или русифицированные имена. Если на начальном этапе российского проникновения в степь населенные пункты (остроги, городки, станицы) назывались по локальным ориентирам, природным объектам, именам основателей или небесных покровителей: Яицкий городок (Уральск), Усть-Яицкий городок (Гурьев), Семипалатинск, крепость Св. Петра, Усть-Каменогорск, Акмолинск, Ишимская, Иртышская станицы и пр., то наиболее распространенной практикой в ходе военных экспедиций стало ассоциирование даваемых названий с именами членов царской семьи: Петропавловск, Николаевск, Константиновское, Павлодар и др., а также военачальников и генерал-губернаторов, отличившихся в походах: Черняевка, Кауфманское, форт Перовск (Ак-Мечеть), Ванновка, Верный. В топонимический ландшафт степей был вписан имперский социальный порядок, утверждающий властное господство самодержавной России и ее суверенное право на заботу об устройении, защите и административном управлении «своей» территорией.

С отменой крепостного права в 1861 г. ситуация кардинально меняется; на смену военно-казацкой колонизации приходит земледельческая, начинается сначала робкое, а затем все более активное движение крестьян в Заволжье, Сибирь и Степной край. Вплоть до середины 1880-х гг. подобная самодеятельность воспринималась довольно неодобрительно: самовольное переселение и захват земель рассматривались царским правительством как источник конфликтов. Позднее точка зрения изменилась: крестьянское переселение снижало остроту аграрного кризиса в Европейской части империи и позволяло заселять азиатские окраины. Крестьяне как носители русской культуры и православия выступали в роли культуртрегеров, способствуя интеграции инородцев (Ремнев, 2009; Ремнев & Суворова, 2010). К концу XIX в. переселенческое движение приняло массовый характер, достигнув своего апогея в период Столыпинских реформ. Основная масса как организованных, так и стихийных переселенцев в Степное генерал-губернаторство осела в Акмолинской, Тургайской, Уральской и Семипалатинской областях, где сформировалась довольно густая сеть поселений; их жилая застройка вместе с распаханнами полями, церквями, крестами и кладбищами недвусмысленно указывала на культурную апроприацию степей как «русской земли». Широкое распространение получают и русские топонимы, размечающие пространство повседневной жизни. Намного разнообразнее становится этимология даваемых имен: теперь они указывают не только на связь с российским самодержавием, но и на связь с российским пространством и народом, отсылая к:

- местам выхода переселенцев: Саратовка, Самарское, Донской, Брянск, Рязановка, Харьковка, Полтавка, Киевка, и пр.;

- православным праздникам и святым: Вознесенка, Рождественское, Благовещенское, Свято-Никольское, Троицкое, Успенка, Покровка, Богородицкое и пр.;
- именам первых поселенцев: Михайловка, Алексеевка, Шаповаловка, Сергеевское, Смирново, Гавриловское и пр.;
- природным особенностями местностей в их российском восприятии: Крутоярка, Приречное, Белогоровка, Широкий лог, Яшкин ключ, Ковыльное, Малиновка, Осинники, Березовка, Перелески, и др.;
- автохтонным, но русифицированным названиям: Аблакетка, Карагужиха, Забурунье, Беловодск/Аксу, Черноводск/Карасу, Щучинск/Шортанды и пр.

Советская эпоха кардинально меняет ориентиры; на первый план выходят задачи строительства пролетарского государства, которое нуждается в «своих» опознавательных знаках. Топонимы превращаются в своего рода награды – символы бессмертия и вечной памяти вождей, солдат революции, жертв и победителей. Повсеместное распространение получают имена Ленина, Калинина, Кирова, Урицкого, Володарского, Орджоникидзе и др., названия, данные в честь героев Гражданской войны – Чапаева, Фурманова, Батурина, Сурова, Джангельдина, Иманова, а затем и Великой Отечественной. Определенная дань отдается и национальной традиции, включая средневековых борцов за свободу казахского народа, просветителей, поэтов и акынов. В послевоенные годы в этом списке все большее место отводится советской партийно-хозяйственной номенклатуре, деятелям науки и культуры. Хотя реестры топонимов содержали также множество обезличенных, но идеологически нагруженных названий, вроде Октябрьский, Советский, Комсомольский, Красноармейский и пр., принцип «увековечивания памяти», т. е. создания своего рода ритуала рутинного «помятия» имен в повседневной жизни, закрепился как нормативный и оказал существенное влияние на практику переименований в пост-советское время (Stefany, 2013; Kaşıkçı, 2019).

Глубочайший кризис советской идеологии и горбачевская перестройка положили начало очередной смене «топонимического кода». Несмотря на попытки обновления советского государства и выдвижение программы построения социализма «с человеческим лицом», проекты развития общества на основе национальной модели выглядели более перспективными. Идея «своего» государства, которое могло обеспечить доминирующие позиции титульной нации, пользовалась в Казахстане не меньшей популярностью, чем в Прибалтике, Армении или Украине. Столь же «естественным» выглядело и представление о национально-государственном строительстве как процессе постепенной трансформации жителей страны в эстонцев, грузин, украинцев или казахов (Slezkine, 1994). Следуя этой логике, уже в 1989 г. в КазССР был

принят Закон о языках, введивший понятие «государственный язык» и закреплявший этот статус за казахским; русскому отводилась роль языка межнационального общения с оговоркой об его употреблении наравне с государственным. На практике это означало вытеснение русского языка из сферы государственного документооборота и системы образования. Вместе с реформатированием языковой сферы начались и кадровые перестановки – русскоязычные специалисты заменялись казахскими по принципу владения государственным языком¹. Весной 1990 г. постановлением Совета Министров КазССР создается ономастическая комиссия, ориентированная на «практическую работу в области казахской ономастики <...> с целью сохранения и возрождения исторических топонимов»². В марте 1996 г. выходит постановление «О порядке наименования и переименования организаций, железнодорожных станций, аэропортов, а также физико-географических объектов Республики Казахстан и изменения транскрипции их названий», в апреле – вступает в силу Указ Президента «О порядке решения вопросов, связанных с написанием фамилий и отчеств лиц казахской национальности», отменяющий практику приписывания казахским именам и фамилиям русских суффиксов и окончаний; в ноябре – утверждается «Концепция языковой политики». В апреле 1998 г. была опубликована новая редакция положения о Государственной ономастической комиссии. В 2005 г. законодательно оформляется «Концепция государственной ономастической работы», ориентированная на исправление географических названий, «которые появились на карте Казахстана до и после вхождения его в состав Российской Империи, а также в результате известных перегибов, идеологического прессинга в периоды коллективизации, культа личности, освоения целинных земель, «перестройки» и в иные исторические периоды»³. В 2010 г. принимается «Доктрина национального единства», в которой роль главного фактора укрепления и развития «духа Нации» отводится казахскому языку. В целом с 1990 г. по 2019 г. было предложено и реализовано три программы развития и функционирования языков; все они строилась на принципах противопоставления казахского (государственного) и русского (дополнительного) языков и предпочтительности использования казахского языка всеми этносами страны и во всех сферах жизни. Четвертая языковая программа, принятая в 2019 г. и рассчитанная до 2025 г., осталась на тех же позициях, включив в себя новеллу о переходе казахской письменности

1 Новая редакция закона «О языках», принятая в 1997 г., признала правомерность использования русского в государственных организациях и органах местного самоуправления наравне с казахским, что несколько смягчило дискриминационную практику.

2 Постановление Совета Министров Казахской ССР «О создании Государственной ономастической комиссии при Совете Министров Казахской ССР» от 20 апреля 1990 г. Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан, 1990. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P900000156>

3 Концепция государственной ономастической работы в Республике Казахстан // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. 2005. 21 января. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P050000045>

на латинскую графику. Результатом описанной нормотворческой деятельности стала масштабная трансформация топонимического ландшафта: из 108 расположенных в пограничье с Россией районов и городских административных переименованных оказалась половина (48%), а общее число переименований превысило 750 названий¹.

В унисон с ономастическими проектами культурной суверенизации работали и другие идеологические программы. Так, в 2017 г. был создан научно-исследовательский центр «Сакральный Казахстан», ориентированный на формирование «целостности исторического сознания» народа и «каркаса национальной идентичности»². Наглядным результатом работы Центра стали ежегодно публикуемые реестры объектов культурного наследия – «мест памяти» казахстанской нации. Их структура и содержание говорят сами за себя: более половины списка составляют археологические и мифологические объекты, отсылающие к глубокой древности и эпохе Золотой Орды, призванные подтвердить «факт» древности казахской государственности (Tsyrempilov et al., 2022). Вторая по значимости категория – места паломничества, связанные с жизнью исламских святых и проповедников, народных акынов и почитаемых героев, к ним примыкают казахские просветители и деятели культуры, в третью группу входят природные объекты. Культурное наследие, связанное с Российской империей и Советским Союзом, занимает в листе национальной памяти самое скромное место (Tsyrempilov et al., 2022). При этом основное число попавших в реестр объектов коннотируется негативно, отсылая к «царизму», «сталинизму» и репрессиям. Понятно, что при таком подходе поиск позитивных символов нации в северных регионах Казахстана становится проблемой, не столько потому, что распашка целинных земель привела к нарушениям археологического слоя или малоценности российско-советских памятников, сколько в силу просеивания конкретных фактов через сито этнического партикуляризма (Greenfeld, 1993).

Семантические и географические последствия переименований

Согласно действующей конституции Казахстана, республика является простым унитарным государством, не допускающим никаких форм территориальной автономии и обладания признаками государственного суверенитета. Этот постулат принципиально отличается от конституционно-правовых норм

- 1 Информационный бюллетень географических наименований СНГ // Межгосударственный Совет по геодезии, картографии, кадастру и дистанционному зондированию земли государств-участников СНГ. 2020. URL: <https://rosreestr.gov.ru/site/activity/geodeziya-i-kartografiya/naimenovaniya-geograficheskikh-obektov/informatsionnye-byulleteni-izmeneniy-naimenovaniy-geograficheskikh-obektov/>
- 2 Сакральный Казахстан: возвращение к истокам. Медиапортал «Караван», 22.08.2017. URL: <https://www.caravan.kz/gazeta/sakralnyj-kazakhstan-vozvrashhenie-k-istokam-399995/>

Советского Союза, который строился на принципах этно-территориального федерализма и коммунистической идеологии как объединяющей силы. Сравнение двух карт северо-казахстанского пограничья, сделанных с интервалом в тридцать лет, позволяет увидеть, как эта разница отразилась в топонимическом ландшафте (Рис. 2).

На карте позднесоветского времени (1990 г.), 41% топонимов отсылает к социальной и политической истории региона, указывая на роль соседней России как инициатора исторических изменений. Властная воля имперского Санкт-Петербурга, а затем советской Москвы распространялась на степные просторы азиатских окраин, создавая новые территориальные сущности и идентичности. По мере движения от границы репрезентация истории российского освоения Казахстана отступает на второй план, меняются и признаки вторжения внешней силы: прямое навязывание имперских и советских названий обретает характер культурной инфильтрации. Соединение казахских (тюркских) корней и русской модели словообразования создает образ пограничья как широкой фронтальной зоны – пространства тесных межкультурных контактов. Тем не менее, советский топонимический ландшафт наследует имперской традиции, он по-прежнему представляет степи как безлюдные просторы, лишённые вернакулярных смыслов. Да, и советская практика называния в честь выдающихся личностей отводит именам деятелей казахской истории и культуры скромное место: 6% всех топонимов в северо-казахстанском пограничье, т. е. присутствие казахов на своей национальной территории остается малозаметным.

Спустя тридцать лет (2022 г.) топонимический ландшафт демонстрирует иные тренды. Политика культурной суверенизации молодого постсоветского государства, направленная на символическое размежевание с Россией, способствовала его символическому перекодированию и стиранию следов российско-советского присутствия.

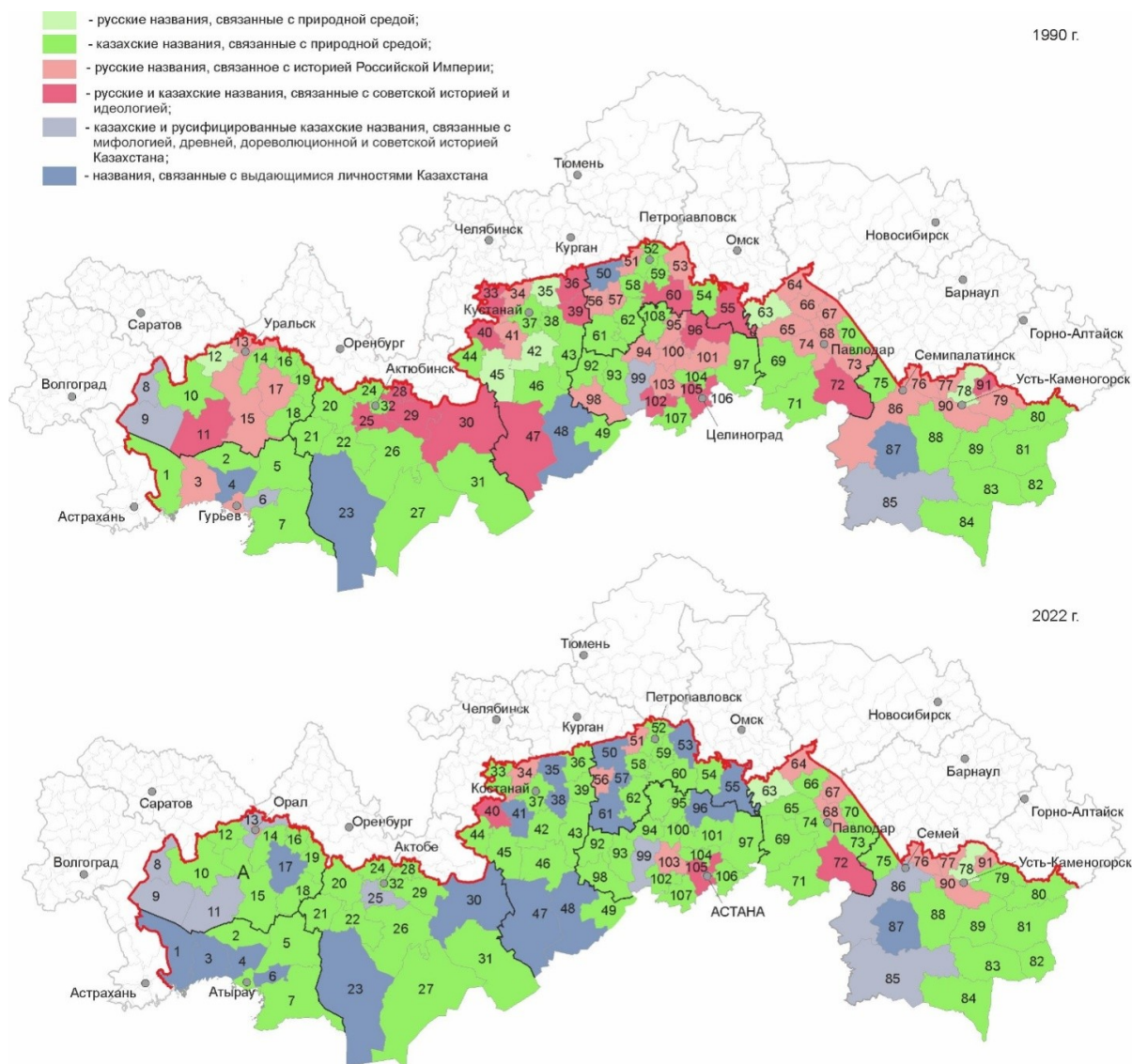

Рисунок 2. Топонимический ландшафт северо-казахстанского пограничья: а) КазССР и РСФСР в 1990 г.; б) Республики Казахстан и Российской Федерации в 2022 г. Составлено авторами по: Топонимика, 2010; Справочник, 2009; Койчубаев, 1974; Мурзаев, 1984; Конкашпаев, 1963

Figure 2. Toponymic Landscape of the Northern Kazakhstan Borderland: a) Kazakh SSR and RSFSR in 1990; b) Republic of Kazakhstan and Russian Federation in 2022. Compiled by the authors based on: Toponymics, 2010; Directory, 2009; Koichubaev, 1974; Murzaev, 1984; Konkashpaev, 1963.

Перечень названий областей, районов и городских администраций казахстанского пограничья с Россией по состоянию на 1990 г. и 2022 г.			№	Советское название	Современное название
			<i>Северо-Казахстанская область</i>		
			50	Джамбулский	Жамбылский
			51	Мамлютский	Мамлютский
			52	Бишкульский	Кызылжарский
			53	Булаевский	М. Жумабаева
			54	Ленинградский	Акжарский
			55	Кзылтуский	Уалихановский
			56	Тимирязевский	Тимирязевский
			57	Сергеевский	Шал Акына
			58	Ленинский	Есильский
			59	Советский	Аккайынский
			60	Красноармейский	Тайыншинский
			61	Куйбышевский	Г. Мусрепова
			62	Володарский	Айыртауский
			<i>Павлодарская область</i>		
			63	Иртышский	Иртышский
			64	Железинский	Железинский
			65	Краснокутский	Актогайский
			66	Качирский	Теренкольский
			67	Успенский	Успенский
			68	Павлодарский	Павлодарский
			69	г. Экибастуз	г.а. Экибастуз
			70	Щербактинский	Щербактинский
			71	Баянаульский	Баянаульский
			72	Майский	Майский
			73	Лебяжинский	Аккулинский
			74	г. Ермак	г.а. Аксу
			<i>Восточно-Казахстанская область</i>		
			75	Бескарагайский	Бескарагайский
			76	Бородулихинский	Бородулихинский
			77	Шемонаихинский	Шемонаихинский
			78	Глубоковский	Глубоковский
			79	Зыряновский	Алтайский
			80	Катон-Карагайский	Катон-Карагайский
			81	Куршимский	Куршимский
			<i>Актюбинская область</i>		
			20	Кобдинский	Хобдинский
			21	Уилский	Уилский
			22	Темирский	Темирский

23	Байганинский	Байганинский	82	Зайсанский	Зайсанский
24	Мартукский	Мартукский,	83	Тарбагатайский	Тарбагатайский
25	Алгинский	Алгинский,	84	Урджарский	Урджарский
26	Кандагачский	Мугалжарский,	85	Аягозский	Аягозский
27	Челкарский	Шалкарский,	86	г. Семипалатинск	г.а. Семей
28	Ленинский	Каргалинский,	87	Абайский	Абайский
29	Новороссийский	Хромтауский,	88	Жарминский	Жарминский
30	Комсомольский	Айтекебинский	89	Кокпектинский	Кокпектинский
31	Иргизский	Иргизский,	90	Уланский	Уланский
32	г. Актюбинск	г.а. Актобе	91	г. Лениногорск	г.а. Риддер
Кустанайская область / Костанайская область			Акмолинская область		
33	Комсомольский	Карабалыкский	92	Есильский	Есильский
34	Федоровский	Федоровский	93	Жаксынский	Жаксынский
35	Боровской	Мендыкаринский	94	Балкашинский	Сандыктауский
36	Ленинский	Узункольский	95	Щучинский	Бурабайский
37	Кустанайский	Костанайский	96	Енбекшильдерский	Биржал-сан
38	Убаганский	Алтынсаринский	97	Ерейментауский	Ерейментауский
39	Урицкий	Сарыкольский	98	Державинский	Жаркаинский
40	Орджоникидзевский	Денисовский	99	Атбасарский	Атбасарский
41	Тарановский	Беимбета Майлина	100	Макинский	Буландынский
42	Семиозерный	Аулиекольский	101	Алексеевский	Аккольский
43	Карасуский	Карасуский	102	Краснознаменский	Егиндыкольский
44	Джетыгаринский	Житикаринский	103	Астраханский	Астраханский
45	Камышинский	Камыстинский	104	Шортандинский	Шортандинский
46	Наурзумский	Наурзумский	105	Целиноградский	Целиноградский
47	Джангельдинский	Джангельдинский	106	Вишневыский	Аршалынский
48	Амангельдинский	Амангельдинский	107	Коргалжынский	Коргалжынский
49	г. Аркалык	г.а. Аркалык	108	Зерендинский	Зерендинский

Таблица 1. | Table 1.

Почти половина из переименованных приграничных районов получила названия, связанные с природными объектами или ландшафтными особенностями. Так, Ленинский район в 1997 г. был слит с Ленинградским и переименован в Акжарский, Володарский – в Айыртауский, Чапаевский – в Акжаикский, Новороссийский – в Хромтауский, и т. д. Наиболее отчетливо этот тренд проявился в переименовании г. Ермак Павлодарской области. Город получил свое имя в 1913 г., статус – в 1961-м, а в 1993 г. он был переименован в Аксу

(Белая вода). Переименование сопровождалось вандальным сносом памятника Ермаку, который был установлен в целинные годы на центральной площади города¹. Эта удивительная на взгляд русских акция объясняется различием исторических трактовок сибирского похода Ермака: в российской версии доминирует представление о подвиге первопроходцев, а казахстанской – о карательных рейдах в духе Кортеса, которые погубили «цвет нации» и остановили процесс формирования казахской государственности (Алейников, 2014). На сегодняшний день главной достопримечательностью Аксу является Стела Независимости, изображение которой используется и в качестве геральдического символа города. В целом, прокатившаяся в 1990-х гг. волна переименований как бы вернула приграничные территории Казахстана в исходное природное состояние и доисторические времена, что на когнитивно-символическом уровне вызывает ассоциации с распространенной в прошлом практикой отселения людей от границ и замещения «ненадежного» приграничного населения природными заповедниками.

Другой трансформационный тренд связан с увеличением числа топонимов, отсылающих к знаковым фигурам казахстанской истории и культуры, преимущественно досоветского и даже до-имперского периодов. На карте пограничья появились имена казахских ханов, баев и биев, акынов и героев, деятелей науки и культуры. Так, Джамбейтинский район Западно-Казахстанской области был переименован в Сырымский: Джамбейта – это удалённая застава Уральского казачьего войска, а Сырым Датов – старшина рода Байбакты и герой антиправительственного восстания Младшего жуза в конце XVIII века. Новобогатинский район, образованный в 1928 г. и затем неоднократно упраздняемый и восстанавливаемый, был переименован в честь Исатая Тайманова – одного из лидеров восстания 30-х годов XIX в. против Букеевской Орды и уральских казаков. Денгизский (морской) район стал Курмангазинским: Курмангазы Сагырбайулы – народный музыкант, исполнитель импровизаций на домбре. Приграничную топонимию дополнили и такие имена из казахского пантеона выдающихся личностей, как Чокан Валиханов, Магжан Жумабаев, Габит Мусрепов, Ибрай Алтынсарин. В результате совмещения трендов экологизации и культуризации топонимического ландшафта возник своеобразный природно-духовный симбиоз, отсылающий к казахстанской Доктрине национального единства и мифическому «духу Нации», но слабо связанный с конкретностью места.

Третий тренд можно назвать лингвистической дерусификацией, он связан с изменением правописания и произношения топонимов в соответствии с нормами казахского языка. Такому переформатированию подверглись

1 В 1995 г. обломки монумента почти детективным образом были вывезены в Змеиногорск Алтайского края, в начале 2000-х были собраны народные деньги на его восстановление, а в 2006 г. памятник обрел новую жизнь.

не только сельские районы, но и крупнейшие города: Семипалатинск/Семей², Усть-Каменогорск/Ускэмин, Уральск/Орал и многие другие. На повестке дня уже много лет стоит вопрос переименования Павлодара и Петропавловска, которые также рискуют получить исторически «пустые» имена.

Итак, можно констатировать, что в результате постсоветских преобразований топонимический ландшафт казахстанского пограничья в значительной мере утратил ауру пространства межкультурных взаимодействий, вписанных в широкий исторический и культурный контекст. Демографическая и топонимическая этнизация региона, физическое и лингвистическое удаление следов масштабных исторических процессов и знаковых событий, инкапсуляция в рамках сугубо казахской истории создали эффект изолированности и провинциальности региона – образ, который не соответствует ни его экономическому потенциалу, ни амбициям казахстанских элит.

Заключение

Северо-казахстанское пограничье как пространство, испытывавшее сильное влияние России и исторически тесно с ней связанное, было объектом повышенного внимания руководства Казахстана и проводимой им в постсоветские годы культурно-символической политики. Одним из инструментов укрепления суверенитета страны, который, как казалось, мог быть оспорен приграничными сообществами, стали практические меры по стиранию русской/советской ономастики. Эти действия обосновывались аргументами восстановления исторической справедливости, преодоления последствий колониального прошлого и необходимости возврата к «естественной», т. е. номадической, системе топонимических знаний. Политика переименований поддерживалась политикой переселений, ориентированной на ликвидацию этнических диспропорций в пользу казахов и предотвращение обезлюдения северных регионов Казахстана вследствие массового оттока русских, немцев и других русскоязычных групп населения. Правительство Казахстана прикладывало значительные силы и средства для решения этих задач, однако полученный результат далеко не в полной мере оправдал ожидания.

Действительно, за постсоветские годы численность населения пограничных с Россией регионов выросла, но этот рост был обеспечен преимущественным развитием Астаны и других крупных городских агломераций. Большинство сельских районов продолжили терять своих жителей; сохранилась и угроза депопуляции приграничных территорий. Ощутимое влияние на этот процесс по-прежнему оказывает долговременный тренд миграци-

2 Любопытно, что в случае переименования Семипалатинска работает многослойная оптика, поскольку название города несет в себе память не только советского полигона ядерных испытаний, опорного пункта и места ссылки Российской империи, но и эпохи Джунгарского ханства, а новое изобретенное имя Семей является символически пустым, хотя казахстанские ученые и пытаются привязать его к природным и историческим фактам, указывающим на связь с казахским языком.

онного оттока русского и русскоязычного населения из страны, хотя пандемия Covid-19 и украинские события 2022 г. его несколько притормозили. Компенсировать демографические потери с помощью переселения казахов-оралманов ни в количественном, ни в качественном смысле не удалось. Побочные следствия государственной программы «Светлая кочевка» перевешивают ее запланированные эффекты. Наделив оралманов особым статусом и преференциями, государство сконструировало особую категорию групповой принадлежности, отделив переселенцев от местных жителей. На уровне повседневного общения это формальное разграничение вылилось во взаимное отчуждение и претензии, чему в немалой мере способствовало различие бытовых привычек и навыков, плохое знание оралманами и русского, и казахского языков.

Успехи в сфере рождаемости также имеют неоднозначные следствия. Они, безусловно, способствовали изменению этнического состава населения в пользу титульной нации, но институты казахстанского государства оказались не готовы к вызовам демографического взрыва и резкому росту численности молодых поколений. Уже сегодня правительство Казахстана вынуждено ограничивать внутреннюю миграцию, чтобы снизить давление сельской молодежи на рынок труда, систему правопорядка, здравоохранения и образования крупных городских агломераций, прежде всего Астаны и Алматы, а сфера социальных услуг находится в глубоком кризисе.

Существенные издержки оказались и у политики переименований. Топонимический ландшафт северо-казахстанского пограничья стал недвусмысленно указывать на чужеродность инокультурных сообществ. Переориентация пространства смыслов постсоветского урбанизированного социума на систему координат номадов, связанную с приметам природной среды, была болезненно воспринята русскими как акт символического насилия и отчуждения. Фактически, инициировав процесс культурной суверенизации и укрепления легитимности своих границ, государство спровоцировало множественные расколы в приграничном социуме по линиям этнической принадлежности и происхождения, что увеличило потенциал его внутренней конфликтности.

Результат переименований нельзя назвать однозначным и с географической точки зрения. Хотя топонимические преобразования развернули приграничные территории в сторону от России, аннулировав былой вектор центр-периферийных отношений, они не проявили ни властного притяжения Астаны, ни ориентации на другие центры силы в стране. Новая «Столица» Казахстана повторяет судьбу всех иных новых столиц, «повисающих» в символически пустынных пространствах. Астана с ее интернационально-монументальной архитектурой и иконографией, призванной легитимировать одновременно современность существующего политического режима и глубину его исторических корней, совершенно чужда не только окружающим ее степям,

но и бывшей Акмоле-Целинограду-Акмолинску – советскому городу, оставшемуся на другом берегу Ишима.

Неоднозначные следствия культурной суверенизации приграничных территорий – наиболее проблемных, с точки зрения государства, – показывают, что политика переименований и переселений является обоюдоострым оружием, наносящим раны не только воображаемому противнику, но и тому, кто его использует. Собственно, главный урок состоит в том, что информационная война со своим прошлым в конечном итоге может обернуться «войной» со своим населением, поскольку стремление к консолидации национального сообщества через этническую унификацию и топонимическую национализацию ведет к социальным расколам и увеличению числа несогласных групп.

Благодарности

Статья подготовлена в рамках проекта Российского научного фонда «Эффекты и функции границ в пространственной организации российского общества: страна, регион, муниципалитет», грант № 22-17-00263.

Сбор базы данных и ее анализ были выполнены в рамках Государственного задания Института географии РАН АААА-А19-119022190170-1 (FMGE-2019-0008).

The article was prepared within the framework of the Russian Science Foundation project “Effects and Functions of Borders in the Spatial Organization of Russian Society: Country, Region, Municipality,” grant No. 22-17-00263.

Data collection and analysis were conducted within the State Assignment of the Institute of Geography, RAS АААА-А19-119022190170-1 (FMGE-2019-0008).

Список литературы

- Agnew, A. (2005). Sovereignty Regimes: Territoriality and State Authority in Contemporary World Politics. *Annals of the Association of American Geographers*, 95(2), 437–461.
<https://doi.org/10.1111/j.1467-8306.2005.00468.x>
- Bauman, Z. (1987). Gamekeepers turned gardeners. In *Legislators and Interpreters. On Modernity, Post-Modernity and Intellectuals* (pp. 51–67). Polity Press.
- Biger, G. (2021). Historical Geography and International Boundaries. *European Review*, 29(1), 69–77.
<https://doi.org/10.1017/S1062798720000587>
- Blackburn, M. (2019). Discourses of Russian-speaking youth in Nazarbayev’s Kazakhstan: Soviet legacies and responses to nation-building. *Central Asian Survey*, 38(2), 217–236.
<https://doi.org/10.1080/02634937.2019.1615409>
- Burkhanov, A. (2020). Multiculturalism and Nation-Building in Kazakhstan: Trends in Media Discourse, State Policy, and Popular Perceptions. *The Muslim World*, 110(1), 24–39.
<https://doi.org/10.1111/muwo.12316>

- Cameron, S. (2016). The Kazakh Famine of 1930–33: Current Research and New Directions. *East/West: Journal of Ukrainian Studies*, 3(2), 117–132. <https://doi.org/10.21226/T2T59X>
- Greenfeld, L. (1993). *Nationalism: Five Roads to Modernity* (2nd ed.). Harvard Univ. Press.
- Kaşikçi, M. V. (2019). The Soviet and the Post-Soviet: Street Names and National Discourse in Almaty. *Europe-Asia Studies*, 71(8), 1345–1366. <https://doi.org/10.1080/09668136.2019.1641586>
- Kolossov, V. A., & Scott, J. W. (2013). Selected conceptual issues in border studies. *Belgeo*, 1. <https://doi.org/10.4000/belgeo.10532>
- Kudaibergenova, D. T. (2016). The Use and Abuse of Postcolonial Discourses in Post-independent Kazakhstan. *Europe-Asia Studies*, 68(5), 17–935. <https://doi.org/10.1080/09668136.2016.1194967>
- Kudaibergenova, D. T. (2019). Mankurts, Kazakh “Russians” and “Shala” Kazakhs: Language, National Identity and Ethnicity Revisited. In *The Nazarbayev Generation: Youth in Kazakhstan* (pp. 89–112). LanhamLar.
- Kudaibergenova, D. T. (2020). *Toward Nationalizing Regimes: Conceptualizing Power and Identity in the Post-Soviet Realm*. University of Pittsburgh Press. <https://doi.org/10.2307/j.ctv1dv0w64>
- Laine, J. P., & Scott, J. W. (2018). *Post-Cold War Borders*. Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780429491177>
- Laruelle, M. (2021). *Central Peripheries: Nationhood in Central Asia*. UCL Press. <https://doi.org/10.2307/j.ctv1gn3t79>
- Monmonier, M. (2018). *How to Lie with Maps*. University of Chicago Press. <https://doi.org/10.7208/chicago/9780226436081.001.0001>
- Paasi, A. (2009). Political boundaries. In *International Encyclopedia in Human Geography* (pp. 217–227). Elsevier. <https://doi.org/10.1016/B978-008044910-4.00793-8>
- Paasi, A. (2012). Border Studies Reanimated. Going Beyond the Territorial/Relational Divide. *Environment and Planning A: Economy and Space*, 44(10), 2305–2309. <https://doi.org/10.1068/a45282>
- Prescott, J. R. V. (1987). *Political Frontiers and Boundaries*. Routledge.
- Rees, K. M., Webb Williams, N., & Diener, A. C. (2021). Territorial Belonging and Homeland Disjuncture: Uneven Territorialisations in Kazakhstan. *Europe-Asia Studies*, 73(4), 713–739. <https://doi.org/10.1080/09668136.2021.1891206>
- Sarsembayev, A. (1999). Imagined communities: Kazak nationalism and kazakification in the 1990s. *Central Asian Survey*, 18(3), 319–346. <https://doi.org/10.1080/02634939995605>
- Sassen, S. (2013). When Territory Deborders Territoriality. *Territory, Politics, Governance*, 1(1), 21–45. <https://doi.org/10.1080/21622671.2013.769895>
- Schofield, C., Newman, D., Drysdale, A., & Allison-Brown, J. (2002). *The Razor’s Edge. International Boundaries and Political Geography*. Kluwer Law International Publ.
- Sharipova, D. (2020). Perceptions of National Identity in Kazakhstan: Pride, Language, and Religion. *The Muslim World*, 110(1), 89–106. <https://doi.org/10.1111/muwo.12320>
- Sharipova, D., Burkhanov, A., & Alpeissova, A. (2017). The Determinants of Civic and Ethnic Nationalisms in Kazakhstan: Evidence from the Grass-Roots Level. *Nationalism and Ethnic Politics*, 23(2), 203–226. <https://doi.org/10.1080/13537113.2017.1311143>

- Shlapentokh, D. (2019). The Political Configuration of Historical Narrative: The Case of Kazakhstan. *Slavonica*, 23(2), 135–157. <https://doi.org/10.1080/13617427.2018.1563955>
- Slezkine, Yu. (1994). The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism. *Slavic Review*, 53(3), 414–452. <https://doi.org/10.2307/2501300>
- Stefany, M. G. (2013). Kazakhization, Kunaev and Kazakhstan: A Bridge to Independence. *Orta Asya ve Kafkasya Arařtırmaları*, 16(8), 49–72.
- Szary, Al. A., & Giraut, F. (2015). Borderities: The Politics of Contemporary Mobile Borders. In *Borderities and the Politics of Contemporary Mobile Borders*. Palgrave Macmillan. <https://doi.org/10.1057/9781137468857>
- Toal, G., Baár, M., & Seegel, S. (2014). Mapping Europe's Borderlands: Russian Cartography in the Age of Empire. *Nationalities Papers*, 42(3), 548–557. <https://doi.org/10.1080/00905992.2014.889668>
- Tsyrempilov, N., Bigozhin, U., & Zhumabayev, B. (2022). A Nation's Holy Land: Kazakhstan's Large-Scale National Project to Map Its Sacred Geography. *Nationalities Papers*, 50(4), 704–721. <https://doi.org/10.1017/nps.2021.22>
- Алейников, М. В. (2014). Ономастические и топонимические изменения в современном Казахстане как проявление политики «казахизации». *Мир науки, культуры, образования*, 2(45), 369–372.
- Алексеенко, А. Н. (1993). *Население Казахстана. 1920-1990 гг.* Гылым.
- Алексеенко, А. Н. (2000). *Население Казахстана в 1926-1939 годах* (с. 27). Барнаул.
- Алексеенко, А. Н. (2010). *Казахстанская репатриация: Причины, особенности, перспективы* (с. 591). Иркутск.
- Артизов, А. Н., & Сигачев, Ю. В. (2020). В октябре шестьдесят четвёртого: Смещение Хрущёва. *Источниковедческие и историографические заметки*. Университет Дм. Пожарского.
- Байгабулова, К. (Ред.). (2010). *Топонимика Казахстана: Энциклопедический справочник*. Аруана.
- Балыкова, А. М. (2015). Миграционные процессы в 20-30-е годы XX века в Казахстане. *Евразийский Союз Ученых*, 4-10(13), 114–116.
- Белан, П. С. (2008). *Границы Казахстана: Краткая история формирования*. Тарих тағылымы.
- Быков, А. Ю. (2001). *Проблема седентаризации в политике России в Казахстане, XVIII – начало XX в.* [Диссертация кандидата исторических наук]. Алтайский государственный университет.
- Глебов, С. (2008). Интервью с Зигмундом Бауманом. На суде над мультиэтническими политиями присяжные еще не вынесли свое решение. *Ab Imperio*, 1, 19–34.
- Голунов, С. В. (2005). Российско-казахстанская граница: История формирования. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения*, 10, 68–87.
- Грозин, А. В. (2014). *Голод 1932-1933 годов и политика памяти в Республике Казахстан*. Институт востоковедения РАН.
- Жанузакова, Т. С., & Анес, Г. К. (Ред.). (2009). *Справочник названий земель и водных ресурсов*. Арыс.
- Земсков, В. Н. (2005). *Спецпереселенцы в СССР: 1930-1960*. Наука.

- Иванов, К. В. (2020а). Картографирование как инструмент имперской политики в Центральной Азии. ПРАКСЕМА. Проблемы визуальной семиотики, 2(24), 151–181. <https://doi.org/10.23951/2312-7899-2020-2-151-181>
- Иванов, К. В. (2020b). Конфликт кочевой и оседлой цивилизаций в проекциях картографического мышления. Самарский научный вестник, 3(32), 204–212.
- Итоги Всесоюзной переписи населения СССР. Сводный том. (1962). Госстат.
- Итоги Национальной переписи населения 2021 года в Республике Казахстан. (2022). Нур-Султан.
- Казиев, С. Ш. (2011). Традиции национальной политики и межэтнические отношения в современном Казахстане. В Феномен идентичности в современном гуманитарном знании. К 70-летию академика В.А. Тишкова (с. 628–640). Наука.
- Казиев, С. Ш. (2014). Национальная политика и межэтнические отношения в Казахстане в пост-сталинский период (1953–1964 гг.). Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований, 4, 56–61.
- Койчубаев, Е. (1974). Краткий толковый словарь топонимов Казахстана. Наука.
- Конкашпаев, Г. К. (1963). Словарь казахских географических названий. Изд. Академии наук Казахской ССР.
- Лебедева, Н. М. (1995). Новая русская диаспора: Социально-психологический анализ. Инстит этнологии и антропологии РАН.
- Малахов, В. С. (2014). Культурные различия и политические границы в эпоху глобальных миграций. Новое литературное обозрение.
- Малахов, В. С. (2010). Культурные различия и политические границы: Национальный, локальный и глобальный контекст. Философский журнал, 1(4), 107–118.
- Морозов, Ю. В. (2022). Внутренние и внешние факторы событий в Казахстане в начале 2022 года и возможные стратегии Запада и России в республике. Восточная Азия: факты и аналитика, 1, 6–16.
- Мурзаев, Э. М. (1984). Словарь народных географических терминов. Мысль.
- Нечаева, Е., Кожирова, С. Б., & Быков, А. Ю. (2022). История формирования казахстанско-российской границы в 20-е годы XX века. Отан тарихы-Отечественная история, 2(98), 197–206. https://doi.org/10.51943/1814-6961_2022_2_197
- Паин, Э. А. (2023). Этничность, нация и политика. Критические очерки по этнополитологии. Новое литературное обозрение.
- Поправко, И. Г. (2014). Чужие среди своих: Репатрианты, аутентичность и повседневные границы в Восточном Казахстане. Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение, 10, 206–216.
- Притчин, С. А. (2022). Политический кризис в Казахстане. Россия и новые государства Евразии, 1(54), 56–67. <https://doi.org/10.20542/2073-4786-2022-1-56-67>
- Ремнёв, А. В. (2009). Имперская география азиатской России XIX – начала XX века: Колонизация как «обрусение». Проблемы истории, филологии, культуры, 3(25), 343–346.
- Ремнёв, А. В. (2011). Колониальность, постколониальность и «историческая политика» в современном Казахстане. Ab Imperio, 1, 169–208. <https://doi.org/10.1353/imp.2011.0070>

- Ремнёв, А. В., & Суворова, Н. Г. (2010). Управляемая колонизация и стихийные миграционные процессы на азиатских окраинах Российской империи. *Полития*, 3–4(58–59), 50–191.
- Рысбергген, К. К. (2017). Реалии постсоветской действительности в русской ономастической системе Казахстана. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 10–3(76), 167–170.
- Савин, И. (2012). *Оралманы – свои этнически, но чужие социально*. РСМД. <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/oralmany-etnicheski-svoi-no-sotsialno-chuzhie/>
- Урри, Д. (2012). *Социология за пределами обществ: Виды мобильности для XXI столетия*. Издательский дом ВШЭ.
- Численность населения Республики Казахстан по отдельным этносам. (2022). Бюллетень. Агентство по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. Бюро национальной статистики.

References

- Agnew, A. (2005). Sovereignty Regimes: Territoriality and State Authority in Contemporary World Politics. *Annals of the Association of American Geographers*, 95(2), 437–461. <https://doi.org/10.1111/j.1467-8306.2005.00468.x>
- Alexeenko, A. N. (1993). *Population of Kazakhstan. 1920–1990*. Gylym. (In Russian).
- Alexeenko, A. N. (2000). *Population of Kazakhstan in 1926–1939*. Barnaul. (In Russian).
- Alexeenko, A. N. (2010). *Kazakh Repatriation: Causes, Features, Prospects*. Irkutsk. (In Russian).
- Aleynikov, M. V. (2014). Onomastic and Toponymic Changes in Modern Kazakhstan as a Manifestation of the ‘Kazakhization’ Policy. *World of Science, Culture, Education*, 2(45), 369–372. (In Russian).
- Artizov, A. N., & Sigachev, Yu. V. (2020). In *October of Sixty-Fourth: Khrushchev’s Displacement. Source Studies and Historiographical Notes*. University of Dmitry Pozharsky. (In Russian).
- Balykova, A. M. (2015). Migration Processes in the 1920s–1930s in Kazakhstan. *Eurasian Union of Scientists*, 4–10(13), 114–116. (In Russian).
- Bauman, Z. (1987). Gamekeepers turned gardeners. In *Legislators and Interpreters. On Modernity, Post-Modernity and Intellectuals* (pp. 51–67). Polity Press.
- Baygabalova, K. (Ed.). (2010). *Toponymy of Kazakhstan: Encyclopedic Directory*. Aruana. (In Russian).
- Belan, P. S. (2008). *Borders of Kazakhstan: Brief History of Formation*. Tarikh taghylymy. (In Russian).
- Biger, G. (2021). Historical Geography and International Boundaries. *European Review*, 29(1), 69–77. <https://doi.org/10.1017/S1062798720000587>
- Blackburn, M. (2019). Discourses of Russian-speaking youth in Nazarbayev’s Kazakhstan: Soviet legacies and responses to nation-building. *Central Asian Survey*, 38(2), 217–236. <https://doi.org/10.1080/02634937.2019.1615409>
- Burkhanov, A. (2020). Multiculturalism and Nation-Building in Kazakhstan: Trends in Media Discourse, State Policy, and Popular Perceptions. *The Muslim World*, 110(1), 24–39. <https://doi.org/10.1111/muwo.12316>

- Bykov, A. Yu. (2001). *Problem of Sedentarization in Russia's Policy in Kazakhstan, 18th–Early 20th Century* [Candidate of Historical Sciences Dissertation]. Altai State University. (In Russian).
- Cameron, S. (2016). The Kazakh Famine of 1930–33: Current Research and New Directions. *East/West: Journal of Ukrainian Studies*, 3(2), 117–132. <https://doi.org/10.21226/T2T59X>
- Glebov, S. (2008). Interview with Zygmunt Bauman. The Jury at the Trial of Multi-Ethnic Policies Has Not Yet Reached a Verdict. *Ab Imperio*, 1, 19–34. (In Russian).
- Golunov, S. V. (2005). Russian-Kazakh Border: History of Formation. *Bulletin of Volgograd State University. Series 4: History. Regional Studies. International Relations*, 10, 68–87. (In Russian).
- Greenfeld, L. (1993). *Nationalism: Five Roads to Modernity* (2nd ed.). Harvard Univ. Press.
- Grozin, A. V. (2014). *Famine of 1932–1933 and Memory Policy in the Republic of Kazakhstan*. Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences. (In Russian).
- Ivanov, K. V. (2020a). Cartography as a Tool of Imperial Policy in Central Asia. *Praxema. Problems of Visual Semiotics*, 2(24), 151–181. <https://doi.org/10.23951/2312-7899-2020-2-151-181> (In Russian).
- Ivanov, K. V. (2020b). Conflict between Nomadic and Sedentary Civilizations in the Projections of Cartographic Thinking. *Samara Scientific Herald*, 3(32), 204–212. (In Russian).
- Kaşıkcı, M. V. (2019). The Soviet and the Post-Soviet: Street Names and National Discourse in Almaty. *Europe-Asia Studies*, 71(8), 1345–1366. <https://doi.org/10.1080/09668136.2019.1641586>
- Kaziev, S. Sh. (2011). Traditions of National Policy and Ethnic Relations in Modern Kazakhstan. In *Phenomenon of Identity in Modern Humanities Knowledge: In Honor of the 70th Anniversary of Academician V.A. Tishkov* (pp. 628–640). Nauka. (In Russian).
- Kaziev, S. Sh. (2014). National Policy and Ethnic Relations in Kazakhstan during the Post-Stalin Period (1953–1964). *Bulletin of the Kalmyk Institute of Humanities Studies*, 4, 56–61. (In Russian).
- Koichubaev, E. (1974). *Concise Explanatory Dictionary of Toponyms of Kazakhstan*. Nauka. (In Russian).
- Kolossov, V. A., & Scott, J. W. (2013). Selected conceptual issues in border studies. *Belgeo*, 1. <https://doi.org/10.4000/belgeo.10532>
- Konkashpaev, G. K. (1963). *Dictionary of Kazakh Geographical Names*. Publishing House of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR. (In Russian).
- Kudaibergenova, D. T. (2016). The Use and Abuse of Postcolonial Discourses in Post-independent Kazakhstan. *Europe-Asia Studies*, 68(5), 17–935. <https://doi.org/10.1080/09668136.2016.1194967>
- Kudaibergenova, D. T. (2019). Mankurts, Kazakh “Russians” and “Shala” Kazakhs: Language, National Identity and Ethnicity Revisited. In *The Nazarbayev Generation: Youth in Kazakhstan* (pp. 89–112). LanhamLar.
- Kudaibergenova, D. T. (2020). *Toward Nationalizing Regimes: Conceptualizing Power and Identity in the Post-Soviet Realm*. University of Pittsburgh Press. <https://doi.org/10.2307/j.ctv1dv0w64>
- Laine, J. P., & Scott, J. W. (2018). *Post-Cold War Borders*. Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780429491177>
- Laruelle, M. (2021). *Central Peripheries: Nationhood in Central Asia*. UCL Press. <https://doi.org/10.2307/j.ctv1gn3t79>

- Lebedeva, N. M. (1995). *New Russian Diaspora: Socio-Psychological Analysis*. Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences. (In Russian).
- Malakhov, B. C. (2010). Cultural Differences and Political Boundaries: National, Local, and Global Context. *Philosophical Journal*, 1(4), 107–118. (In Russian).
- Malakhov, V. S. (2014). *Cultural Differences and Political Boundaries in the Era of Global Migrations*. *Novoe literaturnoe obozrenie*. (In Russian).
- Monmonier, M. (2018). *How to Lie with Maps*. University of Chicago Press.
<https://doi.org/10.7208/chicago/9780226436081.001.0001>
- Morozov, Yu. V. (2022). Internal and External Factors of Events in Kazakhstan in Early 2022 and Possible Strategies of the West and Russia in the Republic. *East Asia: Facts and Analytics*, 1, 6–16. (In Russian).
- Murzaev, E. M. (1984). *Dictionary of Folk Geographic Terms*. Mysl. (In Russian).
- Nechaeva, E., Kozhirova, S. B., & Bykov, A. Yu. (2022). History of the Formation of the Kazakhstan-Russia Border in the 1920s. *Otan Tarikhy-Otechestvennaya Istoriya*, 2(98), 197–206.
https://doi.org/10.51943/1814-6961_2022_2_197 (In Russian).
- Paasi, A. (2009). Political boundaries. In *International Encyclopedia in Human Geography* (pp. 217–227). Elsevier. <https://doi.org/10.1016/B978-008044910-4.00793-8>
- Paasi, A. (2012). Border Studies Reanimated. Going Beyond the Territorial/Relational Divide. *Environment and Planning A: Economy and Space*, 44(10), 2305–2309. <https://doi.org/10.1068/a45282>
- Pain, E. A. (2023). *Ethnicity, Nation, and Politics: Critical Essays on Ethnopolitics*. *Novoe literaturnoe obozrenie*. (In Russian).
- Popravko, I. G. (2014). Strangers Among Their Own: Repatriates, Authenticity, and Everyday Boundaries in Eastern Kazakhstan. *Proceedings of Irkutsk State University. Series: Political Science. Religious Studies*, 10, 206–216. (In Russian).
- Population of the Republic of Kazakhstan by Selected Ethnicities*. (2022). Bulletin. Agency for Strategic Planning and Reforms of the Republic of Kazakhstan. Bureau of National Statistics. (In Russian).
- Prescott, J. R. V. (1987). *Political Frontiers and Boundaries*. Routledge.
- Pritchyn, S. A. (2022). Political Crisis in Kazakhstan. *Russia and New States of Eurasia*, 1(54), 56–67.
<https://doi.org/10.20542/2073-4786-2022-1-56-67> (In Russian).
- Rees, K. M., Webb Williams, N., & Diener, A. C. (2021). Territorial Belonging and Homeland Disjuncture: Uneven Territorialisations in Kazakhstan. *Europe-Asia Studies*, 73(4), 713–739.
<https://doi.org/10.1080/09668136.2021.1891206>
- Remnev, A. V. (2009). Imperial Geography of Asian Russia in the 19th-Early 20th Century: Colonization as ‘Russification’. *Problems of History, Philology, and Culture*, 3(25), 343–346. (In Russian).
- Remnev, A. V. (2011). Coloniality, Postcoloniality, and ‘Historical Politics’ in Modern Kazakhstan. *Ab Imperio*, 1, 169–208. <https://doi.org/10.1353/imp.2011.0070> (In Russian).
- Remnev, A. V., & Suvorova, N. G. (2010). Managed Colonization and Spontaneous Migration Processes in the Asian Outskirts of the Russian Empire. *Politia*, 3–4(58–59), 50–191. (In Russian).
- Results of the 2021 National Population Census in the Republic of Kazakhstan*. (2022). Nur-Sultan. (In Russian).

- Results of the All-Union Census of the Population of the USSR. Summary Volume. (1962). Gosstat. (In Russian).
- Rysbergen, K. K. (2017). Realities of Post-Soviet Reality in the Russian Onomastic System of Kazakhstan. *Philological Sciences: Theory and Practice*, 10–3(76), 167–170. (In Russian).
- Sarsembayev, A. (1999). Imagined communities: Kazak nationalism and kazakification in the 1990s. *Central Asian Survey*, 18(3), 319–346. <https://doi.org/10.1080/02634939995605>
- Sassen, S. (2013). When Territory Deborders Territoriality. *Territory, Politics, Governance*, 1(1), 21–45. <https://doi.org/10.1080/21622671.2013.769895>
- Savin, I. (2012). *Oralman—Ethnic at Heart, but Strangers Socially*. Russian International Affairs Council (RIAC). <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/oralmany-etnicheski-svoi-no-sotsialno-chuzhie/> (In Russian).
- Schofield, C., Newman, D., Drysdale, A., & Allison-Brown, J. (2002). *The Razor's Edge. International Boundaries and Political Geography*. Kluwer Law International Publ.
- Sharipova, D. (2020). Perceptions of National Identity in Kazakhstan: Pride, Language, and Religion. *The Muslim World*, 110(1), 89–106. <https://doi.org/10.1111/muwo.12320>
- Sharipova, D., Burkhanov, A., & Alpeissova, A. (2017). The Determinants of Civic and Ethnic Nationalisms in Kazakhstan: Evidence from the Grass-Roots Level. *Nationalism and Ethnic Politics*, 23(2), 203–226. <https://doi.org/10.1080/13537113.2017.1311143>
- Shlapentokh, D. (2019). The Political Configuration of Historical Narrative: The Case of Kazakhstan. *Slavonica*, 23(2), 135–157. <https://doi.org/10.1080/13617427.2018.1563955>
- Slezkine, Yu. (1994). The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism. *Slavic Review*, 53(2), 414–452. <https://doi.org/10.2307/2501300>
- Stefany, M. G. (2013). Kazakhization, Kunaev and Kazakhstan: A Bridge to Independence. *Orta Asya ve Kafkasya Araştırmaları*, 16(8), 49–72.
- Szary, Al. A., & Giraut, F. (2015). Borderities: The Politics of Contemporary Mobile Borders. In *Borderities and the Politics of Contemporary Mobile Borders*. Palgrave Macmillan. <https://doi.org/10.1057/9781137468857>
- Toal, G., Baár, M., & Seegel, S. (2014). Mapping Europe's Borderlands: Russian Cartography in the Age of Empire. *Nationalities Papers*, 42(3), 548–557. <https://doi.org/10.1080/00905992.2014.889668>
- Tsyrempilov, N., Bigozhin, U., & Zhumabayev, B. (2022). A Nation's Holy Land: Kazakhstan's Large-Scale National Project to Map Its Sacred Geography. *Nationalities Papers*, 50(4), 704–721. <https://doi.org/10.1017/nps.2021.22>
- Urry, D. (2012). *Sociology Beyond Society: Types of Mobility for the 21st Century*. Publishing House of the Higher School of Economics. (In Russian).
- Zemskov, V. N. (2005). *Special Settlers in the USSR: 1930–1960*. Nauka. (In Russian).
- Zhanuzakova, T. S., & Anes, G. K. (Eds.). (2009). *Handbook of Names of Lands and Water Resources*. Aryss. (In Russian).